
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Евгений ЛУКИН

ГОГОЛЬ И СВОБОДА СЛОВА

Пожалуй, первым проблему свободы слова в России осмысливает Гоголь. Его пьеса «Ревизор» заканчивается чтением вслух письма Хлестакова к петербургскому журналисту Тряпичкину, где безжалостно высмеивается провинциальная власть, оказавшая заезжему проходимцу неподобающее гостеприимство: «Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий — глуп, как сивый мерин. Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую» и т. д.

Вот допотопное понимание свободы слова, еще связанное с древним магическим ритуалом: трижды произнеси, что в городе «есть только один порядочный человек — прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья», и прослывешь честным и храбрым добрым молодцем. Интересно, что степень свободы слова определяется здесь степенью его оппозиционности власти — чем резче и ненавистнее, тем будто бы свободнее и независимее.

Интересен здесь и адресат — петербургский журналист Иван Васильевич Тряпичкин, имя-отчество коего перекликается с именем-отчеством русского царя Ивана Грозного, а фамилия производится от обыкновенной, ничтожной тряпки. Тряпка — это не только ветوشка для подтирки, но и то, что может трепаться, сплетничать, врать. Двусмысленность имени означает двойственность положения. Одним метким определением Гоголь создает образ грозного, беспристрастного фельетониста, который на деле оказывается продажным, услужливым газетчиком.

Разгневанный городничий отнюдь не случайно обзывает «тряпкой» и самого Хлестакова, который словом профанирует власть, являясь ее «тряпичным» двойником. Чиновник предвидит огласку случившегося: «Разнесет по всему свету историю. Мало того, что пойдешь в посмешище — найдется шелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит». Эта бессильная тирада прерывается грохотом жандармских сапог, возвещающим приезд настоящего ревизора, наделенного действительными, а не мнимыми полномочиями. И каждому становится ясно, что эта накликаемая власть и вправду накажет «за что-нибудь таковское», не пощадив ни чина, ни звания.

Как известно, сюжет «Ревизора» был подсказан автору Пушкиным. Речь идет о реальном случае, бывшем с отставным подпоручиком, кутилой и авантюристом Плато-

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Русский писатель, историк, переводчик. Окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института имени Герцена. Автор 35 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат ряда литературных премий.

ном Волковым, который, помимо прочего, пописывал статейки в петербургские газеты и даже был переводчиком немецкого романтика Гофмана. Будучи весной 1829 года проездом в городе Устюжне Новгородской губернии, Платон Волков выдавал себя за секретного сотрудника (сексота) новоиспеченного Третьего отделения канцелярии Его Императорского Величества, требовал услуги за казенный счет, посещал чиновные обеды и, вручая безымянные визитки с петербургским адресом упомянутого отделения, обещал любезным от страха хозяевам высочайшее покровительство (небезвозмездно, разумеется). Вслед за отъездом грозного инкогнито, действительно оказавшего старым «знакомцем» жандармов, в Устюжну нагрянул новгородский губернатор Август Денфер для личной ревизии дел. В общем, происшествие в духе зловещей русской гофманиады — после восстания декабристов и убийства столичного генерал-губернатора Милорадовича в стране создавалась всеильная жандармерия и раскручивался политический сыск.

Раздумывая над будущим произведением, Гоголь высказывает намерение «показать хотя с одного боку всю Русь». Таким образом, изначально замысел комедии представляется однобоким, карикатурным, гротескным. Однако последующее резкое неприятие пьесы целыми сословиями тогдашнего российского общества, пытавшегося защитить человеческое достоинство, почему-то кажется Гоголю несправедливым: «в каком неверном виде ими все принимается, — лукавит он, — частное принимается за общее, случай за правило». «Автор в этом случае помнил более психологическую поговорку, чем полицейский порядок», — извиняет молодого писателя Петр Вяземский и поясняет: «Он помнил, что у *страха глаза велики*, и на этом укрепил свою басню». Впрочем, извинения Вяземского оказываются излишними, поскольку всемогущим заступником Гоголя становится лично император Николай I, которому нравится мизантропический юмор насчет одних свиных рыл вокруг вместо лиц. По его высочайшему указу пьеса «Ревизор» весной 1836 года ставится в Александринском театре.

Неизвестно, как оценивает пьесу и устюженский городничий Иван Макшеев, но после грязной провокации его мнение о «бумагомараках» наверняка совпадает с общим. Спустя десятилетия похожий взгляд на современную журналистику излагает русский государственный деятель и незаурядный мыслитель Константин Победоносцев, который начинал свою карьеру с тайного корреспондента герценовского «Колокола» а закончил ее обер-прокурором Синода, став самым ярким символом реакции:

Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, — и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность.

Весь пафос статьи Победоносцева о свободе слова направляется не против слова как такового, а против проходимца, способного в любой момент основать газету и распространять провокационные слухи, доносы и пасквили, которые играют в обществе самую гнусную, губительную роль. Здесь точно обозначается главная проблема свободы слова — проблема ее разумного и нравственного предела. Таким образом, этот частный вопрос неизбежно упирается в двоякое понимание свободы вообще, которое некогда сформулировал в своем труде «Философия свободы» английский философ Исайя Берлин — перед нами негативная свобода (свобода от чего-либо) или позитивная свобода (свобода для чего-либо).

Суть проблемы состоит в том, что и слово, и власть в равной мере притязают на неограниченное управление сознанием и бытием, поскольку опираются на древнее традиционное представление о своем божественном происхождении. Однако слово, как и власть, бывает не только позитивным, творческим, но и негативным, разрушительным. Не случайно Пушкин называет печать «типографским снарядом», а Победоносцев констатирует: «...нельзя не признать с чувством некоторого страха, что в ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством».

Предчувствие катастрофы не обманывает мыслителя: вскоре слово ниспровергает власть, и смута воцаряется в государстве. Эту революционную смуту философ Василий Розанов характеризует как «апокалипсис нашего времени» и объясняет происшедшее исключительно разрушительным воздействием слова: «Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих „разложителей“ России ни одного нет нелитературного происхождения». Он пишет, что отношение к офицеру и чиновнику как к фанфарону, дураку и вору складывается благодаря стараниям русских писателей от Гоголя до Толстого. К ним относится и сочинитель веселых небылиц Чехов, которому Ахматова решительно отказывает в звании «классика», ибо воочию наблюдает кровавые последствия однобокого выдуманного гротеска (массовые расстрелы офицеров и чиновников).

Победившее слово оборачивается новой неслыханной тиранией, потому что тоталитаризм — это глумливое дитя негативной свободы, законное чадо брачующихся слова и власти. Неограниченное управление, осуществляемое такой семейной парой, обрекает общество на абсурдное, кошмарное бытие. Фантазмагорические призраки Гоголя материализуются, оживают, выходят на улицы, идут в театры и редакции, пишут статейки про какого-нибудь бывшего царского офицера, ставшего рядовым советским чиновником:

«Этот Авраамов, который, открывая собрание, обращался: „господа, начнем“, а заканчивал так: „работу правления признать удовлетворительной, Авраамову преподнести букет цветов и устроить пирушку“, сейчас этот классовый враг, одевшись в советскую шинель, приспособился к Советской власти и продолжал творить дело контрреволюции. Живущие рабочие не имеют сараев под дрова, в то время как Авраамов держит три сарая, в которых находятся две престарелых козы», — писала газета «Ленинградская правда» в 1936 году, спустя сто лет после публикации «Ревизора».

Так гоголевский фантом Тряпичкин наяву превращается в гневного ленинградского журналиста, требующего покарать всякого Якова «за что-нибудь таковское», контрреволюционно-козлиное, не пощадив ни чина, ни звания. И, нет сомнения, этот реальный совслужащий с библейской фамилией, полностью солидаризуясь с гоголевским городничим, втайне подумывает про пасквилянта: «Я бы всех этих бумагомарак!» А за дверь уже раздаётся грохот чекистских сапог.

Наверное, Гоголь не раз представлял себе эту последнюю немую сцену комедии, когда человек окаменеет в виде столба, с распростертыми руками и закинутой назад головою. Гению дано предугадать, как отзовется его слово через столетие. Писатель знает, что его уникальный дар — это «уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем». Он мучается вопросом, почему соотечественники называют его веселые сардонические творения «пасквилом», «подрывом», «поклепом», а Пушкин по прочтении не смеется, но печально восклицает: «Боже, как грустна наша Россия!» И вдруг с ужасом прозревает, что значит для человека однобоко явленное отрицательное слово и «пугающее отсутствие света». Он долго размышляет о двойствен-

ной природе слова и власти, где отражается вековечное противостояние света и тьмы, добра и зла, благодаря чему слово и власть могут быть как созидательными, так и разрушительными.

Эти раздумья позволяют Гоголю найти положительную «законную середину всякой вещи», каковую он определяет как «верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей». Иначе говоря, свобода слова должна быть позитивна и сочетаться с чувством меры — главенствующим признаком подлинной культуры.